
DOROTHY L. SAYERS
Strong Poison

Дороти Л. Сэйерс

Сильный яд

Перевод с английского
Марии Переясловой

издательство **АСТ**
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
С97

This edition published by arrangement with DAVID HIGHAM ASSOCIATES LTD.
and SYNOPSIS LITERARY AGENCY

Составление серии и предисловие АЛЕКСАНДРЫ БОРИСЕНКО

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Иллюстрации НАТАШИ ЛЕДВИДЖ

Сэйерс, Дороти Л.

С97 Сильный яд / ДОРОТИ Л. СЭЙЕРС; пер. с англ. М. ПЕРЕЯСЛОВОЙ. —
Москва: АСТ: CORPUS, 2013. — 416 с.

ISBN 978-5-17-079728-8

В романе «Сильный яд» Питер Уимзи впервые встречает Гарриет Вэйн, когда та предстает перед судом по обвинению в убийстве любовника. Прямых улик нет, но косвенные вполне убедительно говорят о ее виновности. Однако лорд Питер не желает верить уликам. Очарованный Гарриет, он проводит собственное расследование. Романы Дороти Л. Сэйерс о знаменитом сыщике Питере Уимзи и писательнице Гарриет Вэйн составляют единую историю — историю любви двух ярких и необычных людей, которые пытаются совместить почти несовместимое: страсть, дружбу, интеллектуальное равенство и традиционные семейные ценности. При этом их буквально преследуют загадочные преступления, что оказывается весьма кстати, учитывая профессиональные занятия героев. Их жизнь сплетается из вереницы детективных сюжетов, образуя при этом свой собственный причудливый сюжет. Все романы печатаются в новых переводах, подготовленных специально для этой серии участниками семинара А. Борисенко и В. Сонькина.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-079728-8

- © The Trustees of Anthony Fleming deceased, 1935
- © Natacha Ledwidge, иллюстрации
- © М. Переяслова, перевод на русский язык, 2013
- © А. Борисенко, предисловие, 2013
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
- © Т. Руссита, карта, 2013
- © ООО «Издательство АСТ», 2013
- Издательство CORPUS ®

НЕ ТОЛЬКО СКОТЛЕНД-ЯРД: ЧАСТНЫЙ СЫСК И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

История Питера Уимзи и Гарриет Вэйн рассказана в четырех романах и новелле:

“Сильный яд” (*Strong Poison*) — 1930

“Где будет труп...” (*Have his Carcase*) — 1932

“Возвращение в Оксфорд” (*Gaudy Night*) — 1935

“Медовый месяц в улье” (*Busman’s Honeymoon*) — 1937

“Толбойз” (*Talboys*) — 1942

Кроме того, о семейной жизни Питера и Гарриет повествует неоконченный роман “Престолы, господства” (*Thrones, Dominations*), завершенный в 1998 году писательницей Джилл Пейтон Уолш, а также “Письма семейства Уимзи”, которые Дороти Л. Сэйерс публиковала в годы Второй мировой войны, — на их основе Уолш написала роман “Презумпция смерти” (*A Presumption of Death*), изданный в 2002 году.

Джилл Пейтон Уолш продолжает писать романы о героях Дороти Л. Сэйерс — последний вышел в 2010 году и называется “Изумруды Аттенбери” (*The Attenbury Emeralds*).

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДРА БОРИСЕНКО

Жизнь и приключения Дороти Ли Сэйерс..... 9

ЛИТЕРАТУРА 44

ГЛАВА I 49

ГЛАВА II..... 75

ГЛАВА III..... 87

ГЛАВА IV 98

ГЛАВА V 114

ГЛАВА VI 129

ГЛАВА VII 143

ГЛАВА VIII 153

ГЛАВА IX 183

ГЛАВА X..... 194

ГЛАВА XI 215

ГЛАВА XII 228

ГЛАВА XIII 242

ГЛАВА XIV..... 262

ГЛАВА XV	278
ГЛАВА XVI	289
ГЛАВА XVII	314
ГЛАВА XVIII	329
ГЛАВА XIX	349
ГЛАВА XX	357
ГЛАВА XXI	386
ГЛАВА XXII	393
ГЛАВА XXIII	407

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОРОТИ ЛИ СЭЙЕРС

Дороти Ли Сэйерс не считала себя феминисткой. Но она всю жизнь задавалась вопросом, почему мужской пол считается по отношению к женскому “противоположным”, а не “соседним”. В этом она, безусловно, далеко опередила свое время — а может быть, и наше.

В ее собственной личной жизни это счастливое “соседство” не сложилось, но она щедро подарила его своим героям, лорду Питеру Уимзи и Гарриет Вэйн. Целое поколение англичан, на чью жизнь пришлись две мировые войны, было занято пересмотром границ и стереотипов, в том числе связанных с отношениями мужчин и женщин. Старые правила игры больше не годились, о новых только предстояло договориться. Дороти Сэйерс была из тех, кому нелегко дался путь по этой ничейной земле.

ДЕТСТВО В ДОМЕ СВЯЩЕННИКА

Детство ее было вполне идиллическим — она родилась 13 июня 1893 года, в конце долгого и стабильного правления королевы Виктории. Родилась в Оксфорде, волшеб-

ном “городе грезящих шпилей”, как назвал его Мэтью Арнольд; ее отец был священником (и сыном священника), музыкантом и филологом-классиком (все эти занятия традиционно сочетались в университетской жизни). Преподобный Генри Сэйерс был капелланом собора Крайст-Черч и директором соборной певческой школы — он учил мальчиков пению и латыни. В колледже Крайст-Черч все еще преподавал эксцентричный математик Чарльз Латвидж Доджсон — он же Льюис Кэрролл, автор знаменитых сказок об Алисе. В семье ходила легенда, что когда нянька катала маленькую Дороти в коляске по улицам Оксфорда, Кэрролл несколько раз попадался им на пути и улыбался маленькой девочке. Трудно ручаться за достоверность этого рассказа, но и ничего невероятного в нем нет.

Мать Дороти, Хелен Мэри Сэйерс, урожденная Ли (в семье ее всегда называли Нелли или Нелл), была дочерью юриста и племянницей довольно известного писателя Персиваля Ли, который работал в журнале “Панч”, играл на сцене в качестве актера-любителя и приятельствовал с Диккенсом и Теккереем. Дороти Сэйерс всегда предпочитала материнскую родню отцовской, хотя с отцом была очень близка. Мать была женщиной привлекательной, живой и умной, с прекрасным чувством юмора. Нередко она хохотала до слез — дочь унаследовала эту ее особенность.

Дороти была единственным и довольно поздним ребенком. Кроме нее и родителей, в доме жила бабушка (мать Генри) и две тетушки — Мэйбл Ли и Гертруда Сэйерс. Несмотря на то что у Дороти была няня, девочка проводила много времени с родителями, бабушкой и тетушками и не воспитывалась в строгих викторианских традициях, согласно которым “ребенка должно быть видно, но не слышно”. По утрам мать брала ее с собой в кровать и читала ей вслух, и Дороти очень рано выучилась

*Дороти
в возрасте
шести лет*

читать, одновременно слушая и глядя в книгу. В своих неоконченных мемуарах под названием “Мое эдвардианское детство” Дороти вспоминает, как однажды отказалась идти гулять с няней, устроила истерику, каталась по полу — и тогда ее отшлепали. “Если психоаналитикам это о чем-то говорит, пусть это будет мой им подарок”, — ядовито замечает она. Однако очевидно, что случай этот был исключительным, родители всегда старались обращаться с ней как со взрослой.

Когда Дороти было четыре с половиной года, ее отцу предложили приход на Севере Англии, в крошеч-

ной деревушке Блантишем-кум-Эрт. Преимуществами этого поста были большой дом и большое жалование, а недостатком — расставание с любимым Оксфордом. Семья решилась на переезд. Вся прислуга (кухарка, слуга, три горничных и няня) согласилась переехать вместе с семьей.

Дом священника был огромным, его окружал сад размером в два гектара, с газонами, цветами и деревьями. Мать Дороти, получив небольшое наследство, со вкусом обставила новое жилье. У Дороти было две детских — дневная и ночная; кроме того, в конюшне жил настоящий пони по имени Дженни. Прихожане церкви были в основном фермерами, в окрестностях не было даже врача. Впоследствии Дороти Сэйерс описала быт сельского священника в романе “Девять ударов” (*Nine Tailors*).

Когда Дороти исполнилось шесть, отец пришел к ней в детскую с потрепанной черной книжечкой и сказал: “Думаю, дорогая, ты уже достаточно подросла, чтобы приступить к латыни”. С этого дня они ежедневно занимались латынью. Отец также учил ее игре на скрипке, с матерью она писала диктанты; вдобавок с ней постоянно занимались гувернантки (с расписанием уроков и каникулами — как в школе). Ей разрешалось брать любые книги, без каких-либо запретов. Дороти много читала сама, но любила, когда ей читали взрослые. Бабушка с выражением читала вслух Вальтера Скотта, тетя Мэйбл — Диккенса. Дороти рано начала писать стихи и пьесы, причем пьесы непременно игрались на импровизированной сцене — с самодельными костюмами, декорациями и программками. Родители разделяли эту рано вспыхнувшую любовь к театру — они помогали с костюмами и декорациями, с удовольствием смотрели спектакли и раз в год возили дочь в Лондон на какое-нибудь представление.

*Дороти
в костюме
Атоса*

Родителей беспокоило, что Дороти растет практически без детского общества, и они часто приглашали погостить ее кузенов и кузин. Любимой кузиной Дороти была Айви Шримптон — одна из племянниц матери. Айви выросла на ферме в Калифорнии, она была старше Дороти на восемь лет, но, несмотря на разницу в возрасте, девочки отлично ладили, вместе читали кни-

ги, а в разлуке вели активную переписку. Их особенно сблизило увлечение романами Дюма. Дороти прочитала “Трех мушкетеров” по-французски, когда ей было тринадцать, и с тех пор жила в мире мушкетеров, гвардейцев кардинала, дуэлей и интриг. У нее был великолепный костюм Атоса — именно эту роль она выбрала для себя, и все остальные домочадцы были тоже вовлечены в игру. Отец в накладной бороде изображал Людовика XIII, мать была кардиналом Ришелье, а Айви стала герцогиней де Шеврез.

Уже тогда, в эту пору запойного чтения, бурного сочинительства и лицедейства, Дороти предсказывает себе большое будущее. В очередном письме Айви она делает приписку:

Сохрани это письмо — когда “Атос” прославится на литературном поприще, оно будет иметь большую цену. Мы увидим его копию в “Стрэнде” или в другом журнале, с подписью: “Рис.19. Уникальный автограф, страница из чрезвычайно ценного письма, находящегося в собственности мисс Айви Шримптон.

ШКОЛА

Родители Дороти были весьма прогрессивными людьми в том, что касалось женского образования. Не каждому отцу пришло бы в голову учить дочь латыни. Дороти вообще воспитывалась скорее как мальчик, чем как “барышня” — родители очень серьезно относились к ее интеллектуальным запросам, она привыкла играть по правилам, не плакать на людях, пользовалась большой свободой и общалась со взрослыми на равных.

Мать Дороти всю жизнь жалела, что не училась в университете: в ее время это было уже возможно, пер-

вый женский колледж в Кембридже открылся в 1869 году, в Оксфорде — в 1878-м. Отношение в обществе к ученым женщинам было неоднозначным, как в университетской среде, так и вне ее. Многие полагали, что в университете девушки становятся “синими чулками” и “старыми девами”, неспособными исполнять свои основные обязанности жен и матерей.

Однако родители Дороти считали иначе. Они мечтали послать ее в самый передовой из оксфордских женских колледжей — Сомервиль. Поступить туда было трудно, еще труднее — получить стипендию, которая покрывала бы расходы на обучение. Было решено отправить Дороти в одну из школ, которые готовили к университетским экзаменам. В результате долгих размышлений они выбрали школу Годольфин в Солсбери. В неоконченном романе Дороти Сэйерс “Кэт О’Мэри”, в котором явно много автобиографического, пребывание героини в школе рисуется как несчастливое время. Однако автор самой полной биографии Сэйерс, ее подруга и соавтор Барбара Рейнольдс, приводит множество отрывков из писем Дороти, в которых та благожелательно описывает учителей и соучениц, с восторгом рассказывает о школьных спектаклях, радуется музыкальным занятиям. Известно, что академические успехи ее были весьма выдающимися, хотя в письмах она упоминает в основном концерты, пьесы и танцы.

Должно быть, отъезд из дома в школу-интернат был нелегким — Дороти ненавидела спортивные игры и школьную форму, страдала от любого ограничения свободы. Но школа оставила и добрые воспоминания. Дороти особенно привязалась к своей учительнице музыки, фройляйн Фемер. Став взрослой, Дороти послала ей рождественские открытки и свои книги. Во время Второй мировой войны она мучительно представляла себе, как бомбят Франкфурт — город, где к тому време-

ни жила ее старая учительница, и даже написала об этом стихи. После войны Дороти разыскала фройляйн Фермер — та по-прежнему жила в Германии и очень бедствовала. До самой ее смерти 1948 году Дороти регулярно посылала ей еду и одежду.

Дороти Сэйерс так и не окончила школу Годольфин. Она заразилась корью, у нее началась двусторонняя пневмония, и она чуть не умерла. Мать неотлучно находилась с ней в больнице в Солсбери до тех пор, пока ей не разрешили уехать домой. После болезни у Дороти выпали все волосы, и она вынуждена была какое-то время носить парик. Ненадолго вернувшись в Годольфин в сентябре 1911 года, Дороти вскоре снова заболела и дальше училась дома. Это не помешало ей блестяще сдать экзамены и получить стипендию на обучение в колледже Сомервиль.

СНОВА ОКСФОРД

Осенью 1912 года Дороти прибыла в Оксфорд в качестве студентки. Она везла с собой красивые платья и карнавальный костюм для бала и была готова к развлечениям, флирту и новым знакомствам. Позже она писала матери, что чем дальше, тем яснее понимает, что создана не для академических занятий, а “для общества”. Все ее надежды сбылись: она нашла в Сомервиле новых подруг, некоторые из которых остались в ее жизни навсегда; возобновила общение со многими старыми друзьями семьи; ее ждали новые спектакли (которые она сочиняла и играла вместе с соученицами), увлечения и, конечно, учеба, от которой она, несомненно, тоже получала удовольствие. Современные языки привлекали ее больше, чем древние, поэтому основным предметом изучения она выбрала французский язык и литературу.

*Студентка
Сомервиля*

Первая ее оксфордская дружба завязалась еще во время вступительного экзамена. Ожидая начала вместе с какой-то девушкой, она внезапно процитировала по-французски строчку из “Сирано де Бержерака”. Девушка немедленно откликнулась следующей строкой. Девушку звали Дороти Роу, и она стала близкой подругой Дороти Сэйерс на долгие годы.

Вера Бриттен — еще одна выпускница Сомервиля, ставшая впоследствии известной писательницей — вспоминает, что Дороти была жизнерадостной и шумной молодой женщиной, которую можно было встретить в коридорах колледжа в любое время дня и ночи с чайником

в руках и в клетчатом переднике, повязанном поверх платья. Дороти непрерывно организовывала чаепития и полуденные посиделки с кофе или какао, которые были чрезвычайно популярны у студенток. Во время этих ночных бдений они говорили о жизни, любви, литературе — и многие из них впоследствии вспоминали это как главную часть своего оксфордского образования.

В те времена ходила присказка, что юноши приезжают в Оксфорд “не учиться, а развиваться”, девушки же, наоборот, считались прилежными и трудолюбивыми зубрилами, не отрывающими глаз от книги. Дороти выбрала мужской путь — она “развивалась”: прогуливала лекции, устраивала пикники на реке и всю наслаждалась жизнью. Одевалась она продуманно и экстравагантно, много курила — причем родители знали об этой ее привычке и посылали ей сигареты (мать и сама была заядлой курильщицей). Однажды Дороти спустилась к завтраку в колледже с красной лентой, повязанной на лбу, и в огромных серьгах — каждая в виде золоченой клетки с разноцветным попугаем внутри. Именно в таком виде она собиралась отправиться на общую университетскую лекцию, которую девушки слушали вместе со студентами-мужчинами. Дороти считала, что “обязанность каждой женщины — выглядеть как можно лучше, особенно если она собирается предстать перед молодыми людьми”.

Центром ее оксфордской жизни был Баховский хор, которым руководил доктор Хью Аллен. Дороти в прежние годы брала уроки пения — у нее было контральто, — и занятия в хоре ей очень нравились. Но еще больше ей нравился сам доктор Аллен. Она везде трубила о своих нежных чувствах, всячески их преувеличивая, и во время репетиций не отрывала от него восторженного взгляда. По всей видимости, доктор Аллен тоже был к ней не вполне равнодушен — он вообще питал слабость

Дороти в роли доктора Аллена

к хорошеньким девушкам, однако дело ограничивалось довольно невинным флиртом (доктору Аллену было в то время сорок два года, он был женат и имел двух дочерей). Доктор Аллен был непременным героем всех университетских пьес, которые сочиняла Дороти, и, разумеется, играла его она сама.

Творческая энергия мисс Сэйерс была неумемна — помимо пьес она писала стихи и основала Общество взаимного восхищения (резонно рассудив, что если они так не назовут сами себя, то их так неизбежно назовут другие). На собраниях Общества участницы читали друг другу свои произведения и обсуждали прочитанное.

Дороти также участвовала в университетских дебатах и слыла отличным оратором. Она ходила на лекции приездных знаменитостей — так, ей довелось послушать Гилберта Кита Честертона и Джорджа Бернарда Шоу. Г. К. Ч. понравился ей больше, чем Д. Б. Ш. — уже тогда она начала формировать свое собственное отношение к рели-

гии, и “Ортодоксия” Честертонa оказала на нее огромное влияние. Вероятно, она очень удивилась бы, если бы узнала, что в будущем им предстоит общаться в Детективном клубе и вместе проводить обряд инициации молодых авторов.

А между тем началась Первая мировая война. Оксфорд пустел — мальчики уходили на фронт. Некоторые студентки стали медсестрами (среди них была Вера Бриттен), другие делали ту или иную “военную работу”. Дороти тоже взялась помогать бельгийским беженцам, однако никаких серьезных шагов не предпринимала. Она училась последний год и рассчитывала пойти на курсы Красного Креста после окончания университета. Время проходило все в тех же хлопотах, занятиях, репетициях хора, сочинении пьес. Сомервиль она окончила с Первой степенью — наивысшей оксфордской оценкой.

Поиски

Отец предложил Дороти остаться в Оксфорде еще на год. Ей этого очень хотелось, но она беспокоилась о финансовой стороне дела. Отец и так потратил много денег на ее образование — несмотря на стипендию, затраты были очень существенными. Она знала, что он берет учеников, чтобы справиться с этой нагрузкой, и ей хотелось поскорее начать самой зарабатывать себе на жизнь. Она сделала попытку поступить во французский Красный Крест, считая, что ее блестящее знание языка будет преимуществом при работе во Франции. Ее страшили тяготы работы медсестры, но это было “настоящее дело” — такое, какого требует военное время. Однако французский Красный Крест не принимал женщин моложе двадцати трех лет. После еще нескольких не-

удачных попыток стать медсестрой Дороти нашла работу, почти неизбежную в то время для выпускницы университета. Она стала преподавать французский в школе для девочек. Школа находилась в городе Халл; несмотря на воздушные налеты, люди старались жить обычной жизнью. Разумеется, Дороти придумала собственный подход к преподаванию — она стала ставить с ученицами пьесы по-французски, что оказалось куда эффективнее привычной зубрежки. Но она не любила эту работу: “Лучше мести улицы, чем учить детей”.

Впрочем, улицы мести не пришлось. Как раз в это время Генри Сэйерс получил новый пост в деревне Крайст-Черч в Кембриджшире, и его доходы несколько увеличились. Он предложил Дороти учиться издательскому делу в Оксфорде, у молодого издателя Бэзила Блэквелла. Дороти с восторгом вернулась в любимый город. Еще до возвращения, в 1916 году, произошло важное для нее событие: в серии сборников оксфордской поэзии вышел ее первый поэтический сборник, *Op. 1* (“Опус 1”). Она посвятила свою первую книгу Дороти Роу, членам Общества взаимного восхищения и доктору Аллену.

В 1917 году Оксфорд был невеселым местом. Большинство студентов сражались на фронте, все чаще приходили похороны, в университет возвращались комиссованные по инвалидности молодые ветераны. С одним из таких ветеранов, Эриком Уэлптоном, у Дороти завязалась близкая дружба. Он происходил из аристократической семьи, одевался не без франтовства (вероятно, лорд Питер обязан ему некоторыми своими предпочтениями по части одежды и обуви), с трудом возвращался к учебе — Дороти со страстью взялась ему помогать. Когда Уэлптон окончил университетский курс, он получил работу в Нормандии, в Эколь де Рош, — ему предстояло организовывать академический обмен. К тому

*Эрик
Уэллтон*

времени стало ясно, что издательское дело вряд ли станет призванием Дороти, поскольку она предпочитала писать сама, а не редактировать других. Уэллтон позвал ее к себе на освободившуюся вакансию ассистента. Прежде чем принять это предложение, Дороти пригласила его в гости к своим родителям — они должны были дать одобрение. Уэллтон объяснил мистеру Сэйерсу, что его предложение носит чисто деловой характер, у него есть невеста, никаких романтических чувств между ним и Дороти нет.

В Эколь де Рош Дороти проработала около двух лет. Совместная работа с Уэлптоном была ей в радость, но она все больше увлекалась им, отношения становились для нее мучительными. Через год Уэлптон женился и уехал в Италию.

Дороти вернулась в Англию в 1920 году и некоторое время провела в родительском доме. Это было время страшной безработицы — Англия с трудом приходила в себя после военных потерь и разрушений. Женское население Великобритании в этот период существенно превышало мужское. Через несколько лет лорд Питер найдет применение так называемым “лишним женщинам”, но пока что Дороти сама принадлежала их числу.

Тем не менее война многое изменила в политическом и социальном положении женщин, и Дороти это коснулось самым непосредственным образом. Оксфордский университет стал наконец присуждать женщинам ученые степени. Дороти Сэйерс была в числе первых женщин, получивших звание *domina* и *magistra*. Тогда же женщины впервые надели оксфордские академические мантии. Мантия магистра искусств не раз пригождалась Дороти впоследствии — в частности, она надевала ее, проводя ритуальные обряды Детективного клуба.

Ее следующей работой снова стало место учительницы французского, на этот раз в Лондоне. Она по-прежнему ненавидела преподавание, но деваться было некуда. Дороти жила в съемной комнатке без мебели — с одной только раскладушкой и креслом, хваталась за любую подработку, иногда выбиралась куда-нибудь с друзьями. В это же время она начала писать детективный роман. “Мой детектив начинается весело, с толстой дамы, на которой нет ничего, кроме пенсне, — ее находят мертвой в ванне. Но почему она принимала ванну в пенсне — вот вопрос”, — пишет она матери. Толстая дама позже превратилась в толстого джентль-

*Реклама
Гиннеса*

**If he can say as you can
“Guinness is good for you”
How grand to be a Toucan
Just think what Toucan do**

мена — первый роман о Питере Уимзи обрел форму. Дороти начала искать издателя и одновременно взялась за второй роман. Она была уверена, что лорд Питер принесет ей богатство.

В 1922 году она нашла работу своей мечты — ее приняли копирайтером в рекламное агентство “Бенсонс”. Там она проработает восемь лет — до тех пор, пока слава лорда Питера не позволит ей полностью посвятить себя литературному труду.

Здесь было все, что она любила: веселая компания молодых талантливых людей, совместное творчество,

Портрет
Дороти Сэйерс
работы Джона
Гилроя

возможность бесконечно играть словами, да еще и получать за это деньги. Здесь ей пригодился и издательский опыт, полученный у Блэквелла. Вместе с художником Джоном Гилроем Дороти участвовала в разработке нескольких чрезвычайно успешных рекламных кампаний — в частности, пива “Гиннесс” и горчицы, для которой был придуман целый “Горчичный клуб”. Впоследствии она описала работу рекламного агентства в романе “Убийству нужна реклама” (*Murder must advertise*).

В 1923 году вышел в свет первый роман о лорде Питере под заголовком “Чье тело?” (*Whose Body?*) — сначала

Джон Курнос

в Америке, потом в Англии. “Атос” твердо встал на путь литературной карьеры.

ПРЕВРАТНОСТИ ЛЮБВИ

В те же годы Дороти Сэйерс переживала самый мучительный свой роман. Она влюбилась в американского журналиста со странным именем Джон Курнос. Курнос был русским евреем и родился в Киеве. Когда он был ребенком, его мать со вторым мужем уехала в Америку, где он прошел классический американский путь “человека, который сделал себя сам” — начав мальчишкой с тяжелого фи-

*Дороти Сэйерс
(фотография,
подаренная
Курносу)*

зического труда, он достиг вершин журналистики, стал поэтом, писателем и заметной фигурой в кругу литературной богемы. У них с Дороти было много общих знакомых и общих интересов. Внешне он немного напоминал Эрика Уэлптона — Дороти всегда нравился этот мужской тип. Джон Курнос сразу же заявил ей, что не намерен жениться, поскольку принципиально против брака и за свободную любовь. Она же хотела непременно выйти за него замуж и родить ему детей. Дороти увлеклась кулинарией, готовила Курносу сложные изысканные обеды и вообще почувствовала вкус к домашнему хозяйству.

Любопытным образом, главный их конфликт вращался не вокруг брака, а вокруг использования контра-

цепции. Джон хотел, чтобы Дороти стала его любовницей, и считал само собой разумеющимся, что им придется предохраняться. Дороти же утверждала, что именно использование контрацепции невозможно для нее как для практикующей христианки. Отношения зашли в тупик, Дороти так и не решилась перешагнуть черту. Курнос уехал в Америку, где довольно скоро женился, чем привел Дороти в ярость. Между ними началась эмоциональная переписка, не принеся ей особого облегчения. Курнос уверял, что если бы она согласилась стать его любовницей, то он бы на ней женился. Она просто не выдержала проверку.

Годы спустя оба они вернулись к этой истории в своих книгах. Дороти написала роман “Сильный яд” (*Strong Poison*), в котором поставила героиню перед тем же выбором, перед каким стояла сама. Героиня поступила иначе, чем автор, и последствия оказались довольно неприятными. Что касается Филиппа Бойза, чьим прототипом послужил Курнос, то читатель узнает о нем много нелицезного, но не встречается с ним лично, поскольку к началу повествования персонаж уже мертв. Кажется, скормив Бойзу мышьяк, Дороти испытала некоторое удовлетворение.

Роман Курноса под названием “Дьявол — это английский джентльмен” повествует об отношениях героев гораздо подробнее и, по-видимому, гораздо ближе к действительным событиям. Его героиня так объясняет свое нежелание вступать в незаконную связь:

Женщина с любовником отрезает себя от мира и от возможности иметь детей. Ей приходится полностью от него зависеть. В то время как женщина, у которой есть муж, может жить его интересами, обулаивать его дом. Она может смотреть в лицо всему миру... Не уверена, что мне под силу ограничения твоей свободной любви...

Билл Уайт

В двадцатые годы в Англии отношение к внебрачному сексу было противоречивым. Еще во время войны молодежь отбросила строгие установки старшего поколения. Молодые пары спешно женились перед уходом жениха на фронт, а иногда и не женились — это казалось пустой формальностью на фоне постоянной смертельной угрозы. После войны сексуальное раскрепощение

набирало силу, но инерция общественной морали была все еще весьма велика. Вот в этот разрыв и попала Дороти Сэйерс — дочь священника и представительница богемы, “синий чулок” и *magistra*.

Отношения с Курносом нанесли Дороти тяжелейшую травму. Пытаясь, очевидно, вышибить клин клином, она вскоре, наперекор своим убеждениям, завела любовника. На этот раз христианство не помешало ей использовать контрацепцию — от этого человека она не хотела детей. Ее новым избранником стал Билл Уайт, продавец автомобилей и страстный мотоциклист. В нем не было ничего от богемного интеллектуала, рядом с ним ее приятели из Блумсбери казались изнеженными позерами. В 1922 году она пишет матери: “Дорогая мама! Не падай в обморок — я приезжаю на Рождество в воскресенье, с мужчиной и с мотоциклом”. Дороти завораживала быстрая езда — от Уайта она научилась разбираться в устройстве мотоциклов и потом с неизменным удовольствием гоняла по английским дорогам.

СТРАШНАЯ ТАЙНА

Когда-то в подростковом возрасте Дороти написала письмо своей любимой кузине Айви Шримптон, в котором упрекала ее, что та слишком сурово судит людей. “Мне не хотелось бы думать, Айви, что если я когда-нибудь совершу страшный грех, то не смогу прийти к тебе за помощью”. По всей видимости, Айви не осталась глуха к этому упреку, потому что когда спустя много лет Дороти совершила то, что считала страшным грехом, Айви оказалась единственным близким человеком, которому она открыла свою тайну и кого попросила о помощи.

По горькой иронии судьбы Дороти все-таки забеременела. Она сказала об этом Уайту, и он буквально убе-

жал прочь в ужасе. Дороти некоторое время обдумывала положение и консультировалась со знакомой женщиной-врачом. В результате мучительных раздумий она приняла очень трудное решение, которое определило всю ее дальнейшую жизнь. Она решила, что родит ребенка, но никогда не скажет об этом родителям. Им обоим было уже под семьдесят, и Дороти была уверена, что они не выдержат такого позора. Все, что мы знаем о мистере и миссис Сэйерс, заставляет думать, что, ослепленная стыдом и горем, Дороти их недооценила. Тем не менее такое решение означало, что она не могла открыться никому из членов семьи, никому из близких друзей, просто — никому.

Это была, безусловно, сложнейшая задача, и Дороти решила ее с мастерством опытного автора детективов — она тщательно продумала все до мелочей и принялась действовать. Всю вторую половину беременности она под разными отговорками избегала встреч с родителями — это было не очень сложно, поскольку она и так не могла часто ездить к ним из-за работы. В рекламном агентстве она взяла отпуск за два месяца до родов, сославшись на болезнь. До этого она, по всей видимости, носила свободную одежду. Неизвестно, заметил ли кто-нибудь ее состояние. Она родила сына в Борнмуте, маленьком приморском городке на юге Англии. Ее продержали в больнице три недели (тогда это было обычной практикой), и в течение этих трех недель Дороти кормила сына. В свидетельстве о рождении в графе “мать” было записано “Дороти Л. Сэйерс, писательница”. В графе “отец” стоял прочерк.

После этого она отвезла его к Айви. Айви с матерью в те годы держали что-то вроде пансиона для детей, чьи родители почему-либо не могли заботиться о них сами. Дороти вначале написала кузине осторожное письмо, спрашивая, сможет ли та взять младенца одной приятельницы, и осведомляясь о финансовой стороне вопроса.

Получив ответ, она отправила второе письмо, в котором рассказала всю правду. Она не хотела, чтобы Айви соглашалась на неудобную для себя договоренность или брала с нее меньше денег. Дороти хотела стать ее “клиенткой” на общих основаниях.

Так юный Джон Энтони поселился в доме с садом под присмотром Айви на неопределенный срок.

ЖИЗНЬ НАЛАЖИВАЕТСЯ

Через два года, в 1926-м, Дороти вышла замуж за журналиста по фамилии Флеминг. При крещении ему дали имя Освальд Артур, свои материалы он подписывал как “Атертон Флеминг”, а друзья звали его “Мак”. Мак был на двенадцать лет старше Дороти, в юности он принимал участие в Англо-бурской войне, провел на фронте всю Первую мировую, был отравлен газом и контужен. После войны Мак развелся с женой и никогда больше не общался ни с ней, ни с двумя дочерьми.

Из-за его развода они не могли венчаться в церкви и потому поженились в конторе регистратора. Дороти понимала, что для ее родителей это разочарование, поэтому объявила им о своем намерении нарочито бодрым и несентиментальным письмом. Мак, однако, родителям понравился и сам искренне к ним привязался. Дороти рассказала ему о сыне, и он выразил готовность в будущем усыновить его и воспитывать. А пока что Джон Энтони по-прежнему жил у Айви, Дороти посылала деньги на его содержание, постоянно подчеркивая, что Айви не должна стесняться в расходах.

Первые годы брака были счастливыми: Мак и Дороти обустраивали свое жилье (съемную квартиру на Грейт-Джеймс-стрит, 24), оба много работали и от души развлекались. Мак оказался отменным кулинаром и с удо-

Мак Флеминг

вольствием готовил всякие невероятные блюда (позже он даже написал кулинарную книгу). Они купили машину, путешествовали, ходили в театры. Дороти вязала мужу носки и восторженно описывала матери свои домашние подвиги.

Однако работа по-прежнему занимала почти все ее время. Дороти старалась обеспечить сыну все необходимое и намеревалась дать ему университетское образование; в их союзе с Маком она также была основным кормильцем. В то время как Айви, ставшая второй (вернее, первой) матерью Джону Энтони, пыталась вызывать у Дороти эмоциональный отклик, описывая успехи ребенка, Дороти придерживалась в письмах веселого прагматичного тона. Мальчик называл ее “кузина Дороти”.

Между 1923 и 1928 годом она опубликовала четыре романа и двенадцать рассказов. В 1927 году сменила издателя — молодой издатель Виктор Голланц основал собственное издательство и предложил ей сотрудничество на очень выгодных условиях. Выполнив свои обязательства по предыдущему договору, Дороти ушла к Голланцу и никогда об этом не жалела. Именно Голланц придумал издавать детективные антологии, и Дороти стала их бесменным редактором. Ее предисловие к первой из этих антологий и сейчас считается одной из лучших работ о детективном жанре.

В конце двадцатых годов Дороти приняла самое активное участие в организации детективного клуба. Первым председателем клуба стал не кто иной, как Гилберт Кит Честертон, кумир ее юности. Мастера детективов собирались в хороших ресторанах, чтобы со вкусом пообедать и обсудить свое ремесло. Потом Детективный клуб (*Detection Club*) стал более формализованной структурой, с очень строгим отбором новых членов и красочным обрядом инициации. По всей видимости, главная роль в разработке этого обряда принадлежала Дороти — снова дали себя знать любовь к театральности, эпатажность и заразительное веселье, которые были так свойственны ей в юности.

К тому времени она уже была знаменитостью, и многие отмечали ее эксцентричность и колоритную внеш-

ность. Один из современников вспоминает, что на одно из собраний клуба, проходивших в общем обеденном зале, Дороти Сэйерс явилась в костюме для игры в регби, с огромными часами на груди. За обедом обсуждали известного дирижера; мисс Сэйерс объявила, что он дирижирует словно пьяная мельница, — и тут же, вскочив, принялась размахивать руками, чтобы наглядно продемонстрировать, как именно. Те, кто помнил ее по сборнику стихов *Op. 1*, представляли себе томную тонкую деву и чрезвычайно удивлялись, увидев величавую даму весьма внушительных размеров, в черном платье и пенсне.

Писательница Найо Марш оставила яркое описание одной из церемоний — посвящения Э.К. Бенгли в президенты клуба:

Дверь в дальнем конце отворилась медленно (как всегда открываются двери в детективных романах). На пороге появилась мисс Дороти Сэйерс в академической мантии, освещенная единственной свечой. Она поднялась на трибуну. Представьте мой испуг, когда я заметила, что она прячет в складках мантии большой автоматический револьвер <... > Затем появилась мрачная процессия со свечами и орудиями убийства — там был Смотритель Тупого Предмета — с устрашающей дубинкой, Смотритель Обнаженного Клинка — кажется, это был кинжал, Смотритель Отравленного Фиала, а последним следовал Джон Род с ухмыляющимся черепом на черной подушке. И среди этой толпы, с несколько напряженным выражением лица — что неудивительно! — стоял бедный мистер Бенгли. Он принес клятву, после чего, без всякого предупреждения, в гостиной Гровенор-хауса, в 11 часов летнего вечера, мисс Сэйерс разрядила свой шестизарядный револьвер.

*Миссис Флеминг
(фото Мака
Флеминга)*

С 1949 года Дороти Л. Сэйерс стала председателем Детективного клуба и занимала этот пост до конца своей жизни.

ЗРЕЛОСТЬ АВТОРА И ГЕРОЯ

В 1928 году внезапно умер отец Дороти. Это была первая ее тяжелая утрата (никто из близких ей людей не погиб на войне), и восприняла она ее очень болезненно. Отец

всегда и во всем оказывал ей безоговорочную поддержку, как моральную, так и финансовую. Он очень гордился ее успехами, хотя и не успел застать ее громкой славы.

Мать и тетю Мэйбл надо было куда-то перевезти — дом священника следовало освободить. На деньги, унаследованные от отца, Дороти купила коттедж в маленьком городке Уитеме, недалеко от Лондона. Поисками дома занимался Мак, он же взял на себя все хлопоты по обустройству и переезду. Однако матери не суждено было долго прожить в новом доме — она умерла спустя всего десять месяцев после смерти мужа. Родители Дороти так никогда и не узнали, что у них есть внук. После их смерти ничего не изменилось — ребенок по-прежнему жил у Айви.

Позже, в 1930 году, Дороти с Маком купили соседний коттедж и объединили два дома. Когда Дороти смогла оставить работу в рекламном агентстве, они стали практически постоянно жить в Уитеме вместе с тетей Мэйбл.

Отношения Дороти и Мака осложнились — состояние его здоровья ухудшилось, он сидел почти без работы, много пил; успехи жены стали его раздражать. В начале тридцатых годов Дороти серьезно думала о том, чтобы расстаться с мужем, но так и не решилась на это. К тому же он снова пообещал усыновить Джона Энтони.

Роман “Сильный яд”, вышедший в 1930 году, отмечает перелом в творчестве Дороти Сэйерс. В своем знаменитом предисловии к антологии детектива она писала, что любовный интерес только вредит детективному повествованию и имеет право на существование лишь тогда, когда на нем держится сюжет. И в самом деле, в первых романах лорд Питер нечувствителен к женским чарам и радуется читателей легкомысленной невозмутимостью. Однако в романе “Сильный яд” его настигает любовь. В этой же книге появляется и новая героиня, у которой много общего с автором. Гарриет Вэйн — дочь

*Джон Энтони
Флеминг*

сельского врача, автор детективов, выпускница Оксфорда; женщина, решившаяся на внебрачную связь и дорого за это заплатившая.

С этого момента детективное творчество Сэйерс начинает двигаться в сторону романа нравов и даже романа идей — это уже не просто увлекательная интеллектуальная игра, но серьезный разговор о любви и дружбе, о браке и свободе, о равных отношениях между женщиной и женщиной. Дороти Сэйерс то бросала, то подхватывала историю любви своих героев — в нескольких романах, написанных после “Сильного яда”, Гарриет Вэйн не появляется вовсе, а Питер ведет себя почти так же, как обычно. Но это “почти” чрезвычайно важно — лорд Питер Уимзи никогда уже не станет прежним. Не всем

читателям это пришлось по вкусу; одна дама пожаловалась, что Питер Уимзи “утратил свое эльфическое обаяние”. Дороти отвечала на это, что если мужчина после сорока пяти сохраняет “эльфическое обаяние”, его следует отправить в камеру смертников. “И Питер был на волосок от этой участи”, — добавила она.

Нельзя сказать, чтобы сама Дороти совсем утратила свое веселое легкомыслие, но с определенного времени рамки детективного жанра стали ей тесны. Она и раньше обращалась к более академическим занятиям — работала над переводами (“Тристан в Бретани”, “Песнь о Роланде”), начинала писать биографию Уилки Коллинза. Но с 1937 года ее творчество направилось в совершенно новое русло — ей предложили написать религиозную пьесу для Кентерберийского фестиваля. Это предложение было довольно неожиданным. Она получила его благодаря своему другу Чарльзу Вильямсу, члену кружка “инклингов”, в который входили также К. С. Льюис и Дж. Р. Р. Толкин. Христианские взгляды этих писателей были близки Дороти, и Вильямс посчитал, что она прекрасно справится с задачей. Так появилась пьеса “Ревность по дому Твоем” (*The Zeal of thy House*), которая прошла с огромным успехом. За ней последовало еще шесть пьес.

Так Дороти Сэйерс не просто получила возможность попробовать себя в совершенно новом жанре и выразить свое понимание христианства, но смогла вернуться к страстной любви своего детства и юности — к театру. Она участвовала в выборе актеров, в обсуждении декораций, в постановке; она наслаждалась совместным творчеством, атмосферой вдохновения и дружества.

В 1941 году Сэйерс написала цикл из двенадцати радиоспектаклей для Би-би-си под названием “Человек, рожденный на царство”. Этот проект вызвал противоречивую реакцию — во всех своих религиозных пьесах Дороти Сэйерс пыталась приблизить евангельские сюже-

ты к зрителю и слушателю, заставить их звучать современно и злободневно: некоторые из героев даже говорили на кокни, языке лондонского простого люда. Иным это приближение казалось святотатством. Однако многие представители церкви высоко оценили проповедническую силу этих пьес. В 1943 году архиепископ Кентерберийский предложил Дороти Сэйерс звание доктора теологии. После мучительных раздумий она отказалась от этой чести. Тем не менее выступления с лекциями на религиозные темы стали частью ее жизни.

К лорду Питеру Сэйерс возвращалась все реже. После Второй мировой войны она больше не публиковала детективов.

Последние годы своей жизни Дороти Сэйерс работала над переводом “Божественной комедии” Данте и продолжала этот труд до самой смерти, так и не успев его закончить. Перевод завершила ее подруга Барбара Рейнольдс.

Джон Энтони окончил частную школу и получил стипендию в Бэйлиол — колледж лорда Питера. На его оксфордские годы тоже пришлось война. Он прервал учебу и пошел рыть окопы, а вернувшись, окончил университет с Первой степенью, как и его мать. Неизвестно, состоялось ли официальное усыновление, — разные источники говорят разное. Однако с середины тридцатых годов сын Дороти Сэйерс стал носить имя Джон Энтони Флеминг и называть ее в письмах не “кузина Дороти”, а “дорогая мама”. В разговорах с посторонними, впрочем, он должен был говорить о ней как о миссис Флеминг, не упоминая известного всем имени. Сын стал ее единственным наследником и душеприказчиком, ей удалось обеспечить его материально и дать ему блестящее образование. Но она так никогда и не признала его публично и тайну свою сохранила до конца. Правда открылась лишь тогда, когда ее уже не было на свете.

Можно только догадываться, как была потрясена ее ближайшая подруга, Мюриэл Сент-Клер Бирн, когда на ее пороге появился незнакомый человек и сказал: “Я — сын Дороти Сэйерс”.

После смерти Мака в 1950 году Дороти жила одна. Она по-прежнему много работала и фонтанировала идеями, а умерла внезапно, в возрасте шестидесяти четырех лет, вернувшись из города, куда ездила за рождественскими покупками. Ее нашли утром у подножия лестницы — очевидно, она спускалась, чтобы покормить кошек.

Сейчас в любой энциклопедии можно прочитать, что Дороти Л. Сэйерс — писатель, теолог и переводчик. Ей посчастливилось найти признание в разных областях и не стать пленницей своего героя, как это произошло в свое время с Конан Дойлом. И все-таки своей мировой славой она обязана эксцентричному лорду в монокле и легкомысленному жанру, который она, как никто, умела принимать всерьез.

Александра Борисенко

ЛИТЕРАТУРА

ALZINA STONE DALE. *Maker and Craftsman: The Story of Dorothy L. Sayers*. Grand Rapids: Eerdmans, 1978.

ROBERT KUHN MCGREGOR & ETHAN LEWIS. *Conundrums for the Long Week-End: England, Dorothy L. Sayers, and Lord Peter Wimsey*. Kent, OH, & London: Kent State University Press, 2000.

BARBARA REYNOLDS. *Dorothy L. Sayers: Her Life and Soul*. London: Hodder & Stoughton, 1993.

Дороти Л. Сэйерс
Сильный яд

— Ты голоден, Рональд?
— О нет, моя мать.
— Где нынче обедал, единственный мой?
— В гостях у невесты. Стели мне кровать.
Устал я сегодня. Мне нужен покой.
— Ты бледен, мой Рональд!
— О мать, моя мать!..
— Тебя отравили, единственный мой!
— О да, яд был сильный! Стели мне кровать.
Мне тяжело, мне душно, мне нужен покой¹.

Старинная баллада

ГЛАВА I

На столе перед судьей стояли темно-красные розы. Они напоминали брызги крови.

Судья был очень стар — казалось, над ним уже не властны ни перемены, ни время, ни сама смерть. У него было сухое, птичье лицо, скрипучий, как у попугая, голос и такие же сухие, со вздувшимися венами, руки. Рядом с темно-красными розами алый цвет его мантии резал глаза. Несмотря на три дня, проведенные в душном зале, на лице его не было и тени усталости.

Собирая в аккуратную стопку свои заметки и поворачиваясь к присяжным, судья даже не взглянул на подсудимую, но она не отрываясь смотрела на него. В ее угольно-черных глазах под густыми, ровными бровями не было ни страха, ни надежды — только ожидание.

— Господа присяжные...

Спокойные старческие глаза критически оглядели всех присяжных, словно пытаясь оценить их со-

вокупные интеллектуальные возможности. Трое почтенных торговцев: один высокий, любитель поспороть, другой — плотный, с густыми, обвисшими усами и несколько растерянным видом, третий — грустный и сильно простуженный; глава крупной компании, которому страшно не хотелось попусту терять время; неуместно веселый хозяин паба; двое молодых мастеровых; пожилой господин с неприметным, но умным лицом, который мог быть кем угодно; художник с рыжей бородой, маскировавшей безвольный подбородок; три женщины: старая дева, полная хозяйка кондитерской, на вид весьма толковая, и, наконец, изможденная мать семейства, мысли которой, казалось, поминутно уносились к покинутому очагу.

— Господа присяжные, вы с большим вниманием и терпением выслушали все свидетельства по этому печальному делу. Теперь моя обязанность — подытожить факты и доказательства, представленные господином прокурором и господином адвокатом, а также изложить их как можно более ясно, дабы помочь вам принять решение.

Но прежде позволю себе сказать несколько слов о характере данного решения. Как вам известно, основополагающий принцип английского права заключается в том, что каждый обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока не доказано обратное. Для него — или для нее — нет никакой необходимости доказывать свою невиновность, это, как теперь говорят, не их дело — это дело Короны. И в том случае, если Короне не удалось убедить вас в виновности подсудимой и снять все обоснованные сомне-

ния, вы обязаны вынести вердикт “невиновна”. Последнее необязательно означает, что подсудимая доказала собственную невиновность, — это лишь значит, что обвинение не смогло предоставить вам неоспоримые доказательства ее вины.

На минуту подняв глубоко посаженные фиалковые глаза от своей репортерской записной книжки, Солком Гарди нацарапал пару слов на клочке бумаги и передал его Уоффлзу Ньютону. “Судья настро-

ен враждебно”, — прочел Уоффлз и кивнул. На этой кровавой охоте они оба были старые гончие.

Судья тем временем продолжал скрипеть:

— Вы, возможно, хотели бы узнать, что именно понимается под словами “обоснованное сомнение”. Они означают такую меру сомнения, какая бывает у вас в повседневной жизни по поводу самого обычного дела. Вы можете подумать, что при слушании дела об убийстве слова должны бы иметь большой вес. Но это не так. Эти слова не значат, что вы должны изыскивать некие фантастические объяснения тому, что кажется вам простым и ясным. Это не те ужасные сомнения, что порой терзают нас в четыре часа, на исходе бессонной ночи. Это лишь значит, что доказательство, которое вы примете, должно быть таким же простым и очевидным, как если бы это касалось купли-продажи или любой другой сделки. Естественно, вам не следует пренебрегать своими убеждениями ради пользы подсудимой, как не следует и принимать доказательства ее виновности без самого тщательного рассмотрения.

Этим кратким вступлением я попытался несколько усмирить ваше волнение перед лицом огромной ответственности, которая возложена на вас гражданским долгом. Теперь начну с самого начала и постараюсь изложить все услышанное как можно более ясно.

Обвинению дело представляется следующим образом: подсудимая Гарриет Вэйн убила Филиппа Бойза, отравив его мышьяком. Не буду тратить ваше время и приводить доказательства, предоставлен-

ные сэром Джеймсом Лаббоком и другими докторами в медицинском заключении о причине смерти. Обвинение утверждает, что мистер Бойз скончался от отравления мышьяком, и защита этого не отрицает. Таким образом, имеются доказательства того, что причиной смерти явился мышьяк, и это вы должны принять как факт. Единственный вопрос, который перед вами стоит: был ли мышьяк преднамеренно использован подсудимой?

Погибший, Филипп Бойз, был, как вам известно, писателем. Ему было тридцать шесть лет, он опубликовал пять романов, а также множество статей и эссе. В своих литературных трудах он выражал, как иногда говорят, “передовые” взгляды. Проповедовал идеи, которые кому-то из нас покажутся бунтарскими и аморальными, а именно атеизм, анархизм и так называемую “свободную любовь”. Как видно, свою частную жизнь он, по крайней мере некоторое время, вел в полном соответствии с вышеназванными идеями.

Как бы то ни было, в 1927 году он познакомился с Гарриет Вэйн. Встретились они в одном из литературно-художественных кружков, где активно обсуждаются “передовые” теории, и в скором времени стали очень дружны. Подсудимая тоже писательница по профессии, и прошу вас принять во внимание, что работает она в жанре так называемых “детективных” рассказов, где описываются различные изобретательные убийства и прочие преступления.

Со свидетельской трибуны перед вами выступала сама подсудимая, а также немало людей, да-

вавших показания касательно ее морального облика. Вы слышали, что эта молодая и очень одаренная женщина получила строгое религиозное воспитание и по не зависящим от нее обстоятельствам с двадцати трех лет была вынуждена сама зарабатывать на хлеб. С тех пор — а сейчас подсудимой двадцать девять — она усердно трудилась и, нужно отдать ей должное, добилась независимости честным путем — одними лишь собственными стараниями, не будучи никому обязанной.

Она откровенно рассказала нам, как возникла ее нежная привязанность к Филиппу Бойзу и как он долгое время безуспешно пытался склонить ее к незаконному союзу. В сущности, для женитьбы не было никаких препятствий, но мистер Бойз, очевидно, выдавал себя за противника института брака как такового. Согласно показаниям Сильвии Марриот и Эйлунд Прайс, подсудимую чрезвычайно огорчали такие взгляды; с другой стороны, вы уже слышали, что мистер Бойз был очень красивым и привлекательным мужчиной, перед которым любой женщине нелегко было бы устоять.

Итак, в марте 1928 года подсудимая, по ее словам, утомленная настойчивостью Бойза, уступила ему и согласилась с ним сожительствовать, не сочетаясь законным браком.

Вы можете подумать — и будете совершенно правы, — что это был неверный шаг. Даже принимая во внимание уязвимое положение молодой женщины, вы, возможно, придете к выводу, что она морально неустойчива. Ложное обаяние, которое

иные писатели пытаются придать “свободной любви”, не должно заслонять от вас банальной и грубой природы этого проступка. Сэр Импи Биггс, призвав на помощь подзащитной все свое красноречие, изобразил действия Гарриет Вэйн в самых светлых тонах бескорыстия и самопожертвования, а также напомнил вам, что в подобных случаях женщина всегда платит больше, чем мужчина. Но надеюсь, вы не станете придавать большого значения его доводам. Вам прекрасно известна разница между должным и недолжным в таких ситуациях. Вероятно, вы сочтете, что если бы Гарриет Вэйн не была в какой-то мере развращена влиянием той пагубной среды, в которой вращалась, она смогла бы проявить подлинную силу духа, отказав Филиппу Бойзу.

С другой стороны, постарайтесь не истолковать это падение неверным образом. Одно дело — вести распутную жизнь, и совсем иное — совершить убийство. Возможно, вы подумаете, что один шаг по тропе порока легко влечет за собой следующий, но не стоит слишком доверять такой логике. Конечно, вы можете принять его во внимание, но так, чтобы это не привело к пристрастности.

Судья на мгновение умолк, и Фредди Арбатнот ткнул локтем в бок лорда Питера Уимзи, который сидел мрачнее тучи.

— Да уж, надеюсь, это не так. Черт возьми, да если б каждая интрижка приводила к убийству, половину из нас давно бы перевешали за убийство другой половины!

— И к которой половине принадлежали бы вы? — поинтересовался лорд Питер, смерив собеседника холодным взглядом, и снова повернулся к скамье подсудимых.

— Я-то? К жертвам, — ответил достопочтенный¹ Фредди. — Я бы подошел на роль трупа в библиотеке.

— Таким образом Филипп Бойз и подсудимая прожили вместе около года, — продолжал судья. — По свидетельству многих друзей, их совместная жизнь протекала во взаимной любви. Мисс Прайс отмечает, что Гарриет Вэйн очень тяжело переживала свое несчастное положение: порвав связи с друзьями семьи, она отказалась и от попыток войти в другой круг, где ее пренебрежение общественными устоями могло вызвать неловкость. Однако она была невероятно предана своему возлюбленному и неоднократно говорила, как она горда и счастлива быть его спутницей.

Тем не менее в феврале 1929 года случилась ссора, за которой последовал разрыв. В том, что ссора имела место, сомневаться не приходится. Мистер и миссис Дайер, проживающие прямо над квартирой Филиппа Бойза, утверждают, что слышали рассерженные голоса, причем мужчина сыпал проклятиями, а женщина плакала; на следующий день Гарриет Вэйн собрала вещи и навсегда покинула тот дом. Особенно любопытное обстоятельство, которое вы непременно должны учесть, представляет собой названная причина ссоры. В данном случае мы

¹ Титулование детей пэров в Великобритании.

можем полагаться только на показания подсудимой. По словам мисс Марриот, у которой Гарриет Вэйн остановилась сразу после разрыва, подсудимая упорно отказывалась что-либо объяснять и только повторяла, что Бойз ее бесчестно обманул и она даже слышать о нем не желает.

Можно было бы предположить, что подсудимую оскорбила неверность Бойза, его грубость или, наконец, нежелание узаконить перед всем светом их отношения. Но все это она отрицает. По ее словам, которые подтверждаются письмом Филиппа Бойза к отцу, он в конце концов сделал ей предложение, что и стало причиной ссоры. Вам это может показаться невероятным, но таковы показания подсудимой, данные под присягой.

Предложение руки и сердца, казалось бы, логически исключает какую-либо возможность обиды со стороны Гарриет Вэйн. Любой скажет, что в подобных обстоятельствах у нее никак не могло быть мотива для убийства молодого человека — скорее наоборот. И тем не менее факт остается фактом: произошла ссора, и подсудимая утверждает, что это благородное, хотя и запоздалое, предложение было ей неприятно. Сама она не говорит, хотя и могла бы, что этот поступок снимает с нее подозрения во враждебности к Филиппу Бойзу, — вместо нее это энергично и красноречиво утверждает ее защитник. Да, об этом говорит сэр Импи Биггс, но не сама подсудимая. По ее словам — представьте себя на ее месте и постарайтесь ее понять, если сможете, — она рассердилась на Бойза за то, что он сна-

чала вынудил ее принять его принципы, а затем отрекся от них, по выражению подсудимой, “выставив ее на посмешище”.

Господа присяжные, вам решать, можно ли предложение руки и сердца счесть достаточным поводом для убийства. Я лишь подчеркиваю, что иных мотивов представлено не было.

В этот момент старая дева на скамье присяжных сделала в своих записях пометку, причем, судя по движению карандаша, весьма решительно. Лорд Питер Уимзи покачал головой и что-то пробормотал.

— После этого в течение примерно трех месяцев ничего примечательного не происходило; Гарриет Вэйн покинула дом мисс Марриот и наняла себе небольшую квартиру на Даути-стрит, в то время как Филипп Бойз, напротив, тяготился одиночеством и потому принял приглашение своего кузена, мистера Нормана Эркорта, погостить в его доме на Уоберн-сквер. Несмотря на то что обвиняемая и Филипп Бойз после расставания жили в одном районе Лондона, они, по-видимому, встречались очень редко. Один или два раза они случайно сталкивались у друзей. Даты этих встреч не могут быть точно установлены, так как это не были официальные визиты, однако с определенной долей уверенности можно сказать, что они виделись ближе к концу марта, затем на второй неделе апреля и, наконец, в мае. Прошу вас запомнить эти факты, хотя за невозможностью выяснить точные даты особого веса им придавать не стоит.

Теперь обратимся к событию крайней важности. 10 апреля в аптеку мистера Брауна, что на Саутгемптон-роу, явилась молодая женщина, как было позже установлено, Гарриет Вэйн, и купила две унции технического мышьяка якобы для борьбы с крысами. В журнале учета ядовитых веществ она подписалась как Мэри Слейтер, и впоследствии было доказано, что почерк принадлежит подсудимой. Более того, сама подсудимая признает факт покупки, говоря, что на это у нее были свои причины. В связи с этим стоит напомнить (хотя это вряд ли важно), что экономка дома, где Гарриет Вэйн снимает жилье, выступала перед вами и заявила, что крыс в доме на ее памяти не бывало никогда.

Пятого мая имела место еще одна покупка мышьяка. На этот раз, как сообщает сама обвиняемая, она приобрела банку содержащего мышьяк гербицида, между прочим, той же марки, что фигурировала и в деле об отравлении в Кидвелли¹. Подписалась она как Эдит Уотерс. Заметим, что у дома, где проживает Гарриет Вэйн, нет сада, а на близлежащей территории нет надобности бороться с сорняками.

С середины марта до начала мая обвиняемая неоднократно приобретала различные яды, включая синильную кислоту (якобы для занятий фотографией) и стрихнин. Попытка купить аконитин не увенчалась успехом. Все покупки были сделаны в разных

1 Реальный судебный процесс, состоявшийся в 1920 году в Уэльсе. Одно из немногих дел, где обвинение в убийстве пало на юриста. Стряпчий Гарольд Гринвуд обвинялся в отравлении мышьяком своей жены. Гринвуд был оправдан за недостатком доказательств.

магазинах, и всякий раз подсудимая подписывалась новым выдуманым именем. К нашему делу имеет отношение только мышьяк, но покупка других ядовитых веществ — обстоятельство немаловажное, так как оно проливает свет на тогдашние занятия Гарриет Вэйн.

Подсудимая предоставила вам объяснение этих покупок, за истинность которого я, конечно, не могу поручиться. Она заявляет, что в то время работала над романом об отравлении и покупала ядовитые вещества для того, чтобы на опыте доказать, насколько легко обычному человеку приобрести в аптеке смертельный яд. В качестве подтверждения этих слов ее издатель, мистер Труфут, передал нам рукопись романа. У вас была возможность с ней ознакомиться, и, если она еще вам понадобится, после моего выступления, когда вы удалитесь в совещательную комнату, вам снова ее выдадут. Вы заслушали несколько отрывков из книги, демонстрирующих, что речь в ней идет об отравлении мышьяком, и, кроме того, в романе есть эпизод, где молодая дама приходит в аптеку и покупает данное смертельно ядовитое вещество в немалом количестве. Должен отметить — и мне стоило сделать это раньше, — что купленный у мистера Брауна мышьяк был обычным мышьяком для бытовых нужд, который в соответствии с законом подкрашивают древесным углем или индиго, чтобы случайно не спутать его с сахаром или другим безвредным веществом.

Солком Гарди простонал:

— Господи, да сколько ж можно слушать эту болтовню про технический мышьяк! Убийцы теперь все это знают еще с колыбели!

— Я прошу вас обратить особое внимание на эти даты — десятое апреля и пятое мая, чуть позже я еще вернусь к ним.

Присяжные прилежно сделали пометки, а лорд Питер Уимзи сказал вполголоса:

— Присяжные записали: “Она уверена, что в них нет никакого смысла”¹.

Достопочтенный Фредди переспросил:

— Что? Что?

А судья перевернул страницу и продолжил:

— Примерно в то же время Филипп Бойз начал страдать от возобновившихся приступов желудочных болей, которым он был так или иначе подвержен всю жизнь. У нас имеется свидетельство доктора Грина, наблюдавшего у Бойза похожие симптомы в пору его обучения в университете; далее, в 1925 году доктор Уэр прописывал ему лекарства от такого же приступа. Это не тяжелая болезнь, но весьма ощутимое и изматывающее недомогание, сопровождающееся тошнотой и болями во всем теле. Многие люди время от времени от этого страдают. И все же в данном случае мы наблюдаем совпадение, которое может оказаться очень значительным. Приступы, согласно записям доктора Уэра в медицинской карте пациента, имели место 31 марта, 15 апреля и 12 мая. Как вы мо-

1 Цитата из главы XII “Алисы в Стране чудес” Л. Кэрролла. Перевод с англ. Н. Демуровой.

жете заметить, целых три совпадения: Гарриет Вэйн и Филипп Бойз встречаются “ближе к концу” марта — 31-го у Бойза приступ гастрита; 10 апреля Гарриет Вэйн покупает две унции мышьяка, “на второй неделе апреля” они встречаются — 15-го у Бойза очередной приступ; 5 мая куплен гербицид, в мае же происходит еще одна встреча — и 12-го случается третий приступ. Вы можете счесть это весьма любопытным, но напомним, что обвинению не удалось доказать факт покупки мышьяка в марте. Не забывайте об этом, когда станете обдумывать данные обстоятельства.

После третьего, майского, приступа гастрита доктор советует Филиппу Бойзу куда-нибудь уехать, и тот выбирает северо-западную часть Уэльса. Он отправляется в Харлек, где прекрасно проводит время и чувствует себя гораздо лучше. Но сопровождавший его друг, Райленд Воген, которого вы все видели, утверждает, что “Филипп был несчастен”. Точнее говоря, у мистера Вогена сложилось впечатление, что Бойзу не давали покоя мысли о Гарриет Вэйн. И хотя физическое его здоровье поправилось, душевное состояние оставляло желать лучшего. Итак, 16 июня он пишет Гарриет Вэйн письмо. Принимая во внимание важность данного письма, я повторно его зачитаю:

“Дорогая Гарриет,

в жизни все ужасно запуталось. Как же мне здесь тошно. Пошлю все к чертям и сам отправлюсь к дьяволу. Но прежде я хотел бы с тобой увидеться. Вдруг все еще можно исправить. Конечно, ты вольна делать что хочешь, но я до сих пор не понимаю, почему ты так отнеслась к моему предложению. Мо-

жет, на этот раз я смогу тебя переубедить и ты увидишь вещи в истинном свете, а если нет — с меня довольно. В городе буду 20-го. Прошу, напиши, когда к тебе зайти.

Твой Ф.”

Как вы сами видите, письмо чрезвычайно двусмысленное. Сэр Импи Биггс приводит весомые аргументы в пользу версии, что такие фразы, как “послать все к чертям и отправиться к дьяволу”, “как же мне здесь тошно” и “с меня довольно”, выражают намерение автора покончить с собой в том случае, если он не добьется примирения с обвиняемой. Защитник отмечает, что “отправиться к дьяволу” — весьма распространенный эвфемизм, обозначающий смерть, что звучит вполне убедительно. Но мистер Эркарт на вопрос прокурора ответил, что в письме имеется в виду план, который он сам предложил погибшему, а именно план путешествия на Барбадос ради смены обстановки. Кроме того, господин прокурор подчеркивает, что автор письма, говоря “как же мне *здесь* тошно”, подразумевает Британию или же конкретно Харлек, тогда как мысль о самоубийстве была бы выражена следующим образом: “как же мне тошно”.

Вы уже, несомненно, успели составить собственное мнение. Необходимо отметить, что погибший просит о встрече 20-го числа. Ответ перед нами. Зачитаю его:

“Дорогой Фил,

если хочешь, приходи 20-го в 9.30, но ты меня все равно не переубедишь”.
